

Из кабинета директора я вышел озадаченным новым поручением. Дамблдор подобрал работёнку по плечу избранному. Я бы счёл её оскорблением моих навыков, не имея опыта прежней жизни. Великий светлый волшебник поручил мне выяснить весьма деликатную информацию о крестражах у Горация Слизнорта.

Дамблдор показал воспоминание нового-старого профессора зельеварения, однако он подверг сомнению концовку постановки. Мнение директора таково — Слизнорт стыдится своих поступков, ведь учитывая таланты Реддла, которые в детстве проявлялись так же ярко, то бывший профессор Тёмного Лорда мог стать жертвой харизмы куда больше собственной. Если это действительно так, то Гораций Слизнорт все эти годы считает себя причастным к возвращению монстра, погубившего множество людей.

Вполне допустимая теория. За две недели я составил психопрофиль старого-нового учителя, не столько из собственных наблюдений, сколь из информации от его прежних учеников и людей с ним знакомых.

Гораций Слизнорт — прекрасный профессор, пусть и не без недостатков. Тот факт, что он их умело скрывал на протяжении многих лет преподавательской деятельности, говорит о его чрезвычайной благоразумности. Чистокровный волшебник, по мнению большинства, не придавал крови особого внимания. По словам Волан-де-Морта это правда, но лишь отчасти. Как и ученик, профессор придумал изящный план по использованию всей этой шелухи с чистой кровью для своей выгоды.

Гораций Слизнорт окружил себя талантами и молодыми представителями чистокровных и богатейших семейств волшебной Британии. Он делал то же самое, чем теперь занимаюсь и я — с небольшой поправкой. Создал сообщество по интересам, причастность к которому возносило самомнение молодых идиотов до заоблачных вершин. При этом профессор не делал ничего, сверх положенного должностью преподавателя, для расположения к себе золотой молодежи.

Слизнорт рассчитывал на благодарность в будущем, от учеников, которых он выделил среди большинства, и, можно сказать, своё он получил, просто не так, как ему это представлялось. А всему виной сирота, мальчишка, который раскусил игру зельевара ещё в детстве. Том Реддл понимал, что на слабостях Горация можно сыграть. Будущий Тёмный Лорд с легкостью добыл членство в Клубе Слизней, впечатлив Горация своими превосходными навыками на поприще варки магического пойла.

Реддл очень быстро стал главным на собраниях клуба, где теснее познакомился с будущими фанатиками, последовавшими за харизматичным лидером. За короткий срок он занял главенство за столом. Дети буквально глядели ему в рот, а Том изучал их, и не в последнюю очередь своего ментора. Вскоре он выяснил достаточно информации о Слизнорте, и начал льстить ему, угождать его прихотям. В основном юный Том угощал его экзотической едой, купленной у маглов, следовал точным инструкциям на уроке и так далее.

Неудивительно, что оценки юного социопата по зельеварению взлетели вверх за короткий срок, а профессор Слизнорт начал уделять ему больше времени, обучая продвинутой алхимии и зельеварению за старшие курсы. Том Реддл получал ответ на любой интересующий его

вопрос. Он осторожно подводил разговор к той теме, что не желала покинуть разум будущего убийцы — создание крестража.

Вообще-то Том узнал о них из запрещенной секции библиотеки Хогвартса, после того как профессор зельеварения выписал ему неограниченный доступ. Официально — чтобы ученик не тратил время попусту, и продолжал самосовершенствоваться в свободное время. Неофициально — Реддл порой бывал чересчур настойчивым, и от него нужно было как-то избавиться. На самом деле, всё это было частью плана юного дарования. Когда ему в руки попала книжка с запрещёнными знаниями, где содержался ритуал создания крестража, Реддл выпал из реальности.

Бессмертие стало навязчивой идеей, той темой, о которой не перестаешь думать с утра до вечера, каждый божий день, целый год. Том решился на убийство в тот самый момент, как перевернул страницу и прочитал заголовок ритуала. Он был готов заплатить любую цену за возможность жить вечно, особенно когда платить придется не из своего кошелька. Будущему террористу оставалось только убедиться, что написанное в книге правда, а не очередной теоретический бред, так часто встречаемый в темных гримуарах.

За помощью он обратился к прагматичному профессору Слизнорту и, в отличие от лживых воспоминаний профессора, воспоминания Волан-де-Морта были истинными. Гораций, пусть и заподозрил неладное, подтвердил информацию, написанную в томике из запрещенной секции. Том солгал ему о своём праздном любопытстве, уверив Слизнорта в чисто теоретическом интересе, заодно расспросив о предельном количестве крестражей. Число семь ему показалось наиболее приемлемым.

После разговора с зельеваром юный слизеринец искал и нашёл документальные подтверждения успешного создания крестража, причем выпускниками Хогвартса. Документы, датированные семнадцатым-восемнадцатым веками, заверенные печатью директора Хогвартса и печатями нескольких отделов министерства магии, в том числе отдела правопорядка. Судьба тех счастливиц, преуспевших в тёмном искусстве, была незавидна. Их крестражи нашли, уничтожили, а самих колдунов уперли в Азкабан. По мнению Тома, произошло это потому, что у них был только один крестраж, а вот если расколоть душу на несколько частей... Дальнейшее развитие истории известно.

Дамблдор приказал мне выведать у Слизнорта подлинные воспоминания разговора учителя и ученика, однако он и предположить не мог, что я сначала расспрошу ученика. Узнав детали разговора чуть ли не поминутно, я также изъясился у Волан-де-Морта воспоминание, на всякий случай, а после — направился за воспоминаниями Слизнорта.

Новый профессор зельеварения, вернувшись в Хогвартс, оказался в своей стихии. Он не пробовал сразу открыть свой знаменитый клуб, будучи в курсе недоверия учеников к новым лицам. Ему уже успели поведать историю Амбридж. Возможно, он не рвался набирать свиту ещё по одной причине. Прежние ученики не отплатили благодарностью за его старания.

Он рассчитывал на материальную благодарность, желательно круглой формы и желтого цвета, или нечто эквивалентное, что можно обратить в галлеоны, но никак не приглашение в ряды

пожирателей смерти. Вот уже целый год с момента воскрешения Тёмного Лорда его преследуют пожиратели, пытающиеся сманить его в организацию бывшего ученика.

Гораций отказывал как мог, выдумывая разные причины, однако мой подчиненный не принимает отказы. Волан-де-Морт лишь дважды ошибся, не рассчитав силы правильно. Оба раза связаны со мной, однако я уникальный случай. В отношении других волшебников он обычно не ошибается.

Реддл предположил, что раз бывший учитель не желает присоединиться к нему, значит он поддерживает Дамблдора. Такой потенциальный сторонник врага может принести немало бед, выступая против пожирателей. Теперь, когда организация лишилась Северуса Снейпа, им бы пригодился высококлассный зельевар.

Слизнорт пустился в бега. Он не оставался подолгу на одном месте, опасаясь преследования. Участь отвергшего милость Темного Лорда незавидна. К счастью, первым его нашел Дамблдор. Директор пригласил профессора в самом безопасном месте Британии. За Слизнортом теперь как минимум один должок и, по поручению Дамблдора, я возьму плату.

Я не спешил с расспросами, дав профессору немного времени привыкнуть к безопасной обстановке в школе, иначе он мог воспринять просьбу Дамблдора как приказ, и воспротивиться идее помочь всеобщему благу, хе хе. Уроки у Слизнорта действительно отличались изрядной вольностью в работе. Над учениками уже не довлела аура требовательного и субъективного декана, способного отнять десять баллов за секундное промедление.

Однако было у Слизнорта кое-что общее со Снейпом. Они оба выходцы с зелёного факультета, а потому отличались покровительственным нравом по отношению к «своим». Ученики Слизерина получали больше баллов, им уделяли больше внимания, однако даже так, большинство детей тепло приняли нового профессора.

Гораций Слизнорт также стал чувствовать себя в безопасности. Нахождение в привычной среде вызвало приступ ностальгии по хорошим временам. Он уже снова начал рассылать приглашения прилежным ученикам и родовитым детишкам.

Под конец урока зельеварения профессор похвалил своих любимчиков, накинув Слизерину с Пуффендумом по двадцать баллов сверху заработанного за урок. Ученики засобирались на выход, я тоже притворился, что спешу, прекрасно понимая, какие слова прозвучат дальше:

— Поттер, задержитесь на минутку, пожалуйста. — Профессор не смог устоять перед искушением, заполнить аж целого избранного в коллекцию.

— В чём проблема, профессор? Я где-то допустил ошибку на уроке?

— О чем ты, юноша? Наоборот, сегодня ты проявил себя с наилучшей стороны. У тебя талант к зельеварению, ты знаешь? Такой же талант был у Лили.

— Наверняка. Многие профессора Хогвартса лестно отзываются о моих родителях, будто лесть поможет вернуть их.

— К сожалению, порой людям остаётся только выражать своё сочувствие. Даже маги не всемогущи.

— Факт. Но это не означает, что грехи прошлого нельзя искупить.

— О чем вы, юноша? — Заметив, что разговор свернул не в то русло, Слизнорт насторожился.

— Прикидываетесь дураком, Гораций? Вы знаете, почему находитесь в Хогвартсе, знаете, что вас ожидает за пределами школы. Волан-де-Морт оценил ваши знания по достоинству...

— Не произносите это имя!

— Хорошо. Вам удобнее слышать его истинное имя, до того как он создал крестражи?

— Откуда вы...

— Знаю? Дамблдор рассказал. Не удивляйтесь так, у директора много секретов, но таить эту информацию от меня как минимум глупо. Я ведь, как-никак, тот самый избранный. Мне предстоит убить Реддла, как я уже сделал это однажды, но как вы видите, это не сильно помогло, он вернулся. Мы оба знаем, в чём причина его бессмертия.

— Значит Альбус прислал вас, мистер Поттер.

— Да, он сыграл на ваших чувствах, как и Том Реддл в юности.

— Неужели меня так легко просчитать? Неужели меня так легко обмануть? — чуть ли не плача, спрашивал Слизнорт. Мыслями он был далеко в прошлом, возможно в том самом вечере, когда окончательно утвердил ребёнка в мыслях совершить убийство.

— Не знаю. Я с вами предельно честен, и не буду юлить или скрывать, с какой целью я здесь. Я лишь уповаю на вашу мудрость. Вы можете продолжить молчать, замкнувшись в себе. Продолжите ностальгировать, и однажды заметите, как в Хогвартсе сменится власть. Вместо привычных лиц, предметы будут преподаваться приверженцами чистоты крови. Они будут преподавать уже не защиту, а именно Тёмные Искусства! Ученический состав так же поредеет, ведь я сомневаюсь, что маглорожденные будут допущены до учебы. Но никто вас не осудит, профессор. Никто. Знаете почему?

— Н-не... Не знаю! — Зельевар замотал головой.

— Потому что мы будем мертвы. Мертвецам чужда ненависть. Однако у вас ещё есть шанс исправить то, что натворили.

Гораций размышлял. Внутри человека разразилась настоящая война между идеалами, моральными ценностями и стыдом.

— Я ведь не думал, что всё обернётся таким образом. Том был просто мальчишкой, талантливым учеником, каких много. Откуда я мог знать... — Профессор запнулся. Он готов, надо лишь надавить чуток, войти в положение.

— Не вы первый, кто поддался его убеждению, и не вы последний, если дальше продолжите молчать. Мы с вами особо не знакомы профессор, но знайте, я не держу на вас обиды. Вы не виноваты в смерти моих родителей. Однако мы ответственны за будущее...

Дальше я мог не утруждаться. Слизнорт дрожащей рукой достал волшебную палочку и подходящую ёмкость, в которой запер светящуюся прядь воспоминаний.

— Подлинник, я надеюсь? — Я ведь распознаю фальшивку, хотелось добавить. Мне есть с чем сравнивать.

— Да, мистер Поттер. Надеюсь это поможет искупить мою вину.

— Разумеется. — А ещё убить Дамблдора.

Закрывая за собой дверь кабинета, я оставил мага в одиночестве со своими демонами. Стыд, который сейчас гложет профессора зельеварения, может поспособствовать принятию необдуманных решений во имя искупления, но чаще всего люди спиваются или по другому глушат чувство вины. Дамблдор доказал свою несостоятельность в наставлении друга на путь истинный, иначе бы он сам потребовал правдивых ответов. А я тем более не стану мотивировать потенциального врага. Эх, узнай он о ловушке, которая уготована великому волшебнику Дамблдору, то, скорее всего, молчал бы под пытками.

Но ни Слизнорт, ни кто-либо ещё, не способен помыслить в таком ключе о избранном. Я зашел в кабинет Дамблдора, не встречая сопротивления со стороны горгульи, хотя даже пароль на сегодняшний день я не знаю. Убить Дамблдора — задача легчайшая.

У меня есть мантия невидимка. Я могу на лестнице войти в состояние невидимости и подсыпать отравы в так любимый директором чай. Простейший способ, который пришел мне на ум, стоило лишь подумать о методах устранения директора. Мне не сложно придумать еще с полсотни вариантов, но Дамблдор должен умереть, как и Волан-де-Морт, в строго отведённое для него время и в нужном месте.

Пока что, дожидаясь директора, я поговорил с портретами прежних сидельцев на

ответственном посту, расспрашивал их о Хогвартсе былых времен, получив подтверждение своих опасений. Замок приходит в упадок. Несколько директоров поведали мне о комнатах, которые сейчас не найти в школе.

Работая по схожему с выручай-комнатой принципу, из-за истощения места силы, они прекратили своё исправное функционирование. Замок перекрывает доступ к помещениям, для сохранения основных функций. Когда источник иссякнет полностью, от всех чар Хогвартса ничего не останется. А посреди живописных гор Шотландии, нарисуеться один неизвестный миру замок, до этого незамеченный ни одним из спутников. Вот это был бы удар по статуту секретности? Хорошо, что я вовремя узнал об этой маленькой проблеме.

Директор задерживался, и я решил проверить воспоминания Слизнорта на подлинность. В этот раз профессор зельеварения не соврал. Он действительно предоставил истинные воспоминания, во всём совпадающие с воспоминаниями ученика, о чём я и доложил директору, когда он все же соизволил явиться.

— Опаздываете, директор. Я убедил профессора Слизнорта поделиться настоящими воспоминаниями. Можете убедиться. — Я протянул флакон с нитью памяти.

— Мы ведь не договорились о конкретном времени, Гарри. — Дамблдор принял из моих рук ёмкость, выливая содержимое в омут памяти. — Я не могу быть в двух местах одновременно.

— Я думал можете, о вас столько слухов ходит. Даже не знаешь, чему верить.

Дамблдор улыбнулся, а я не стал заострять внимание на том моменте, где он проводит очередное собрание ордена Феникса, не соизволив пригласить избранного. Для выявления стопроцентной достоверности воспоминания, Дамблдор окунулся в омут с головой. Так он мог просматривать воспоминание как бы со стороны, ощущая малейшие колебания.

— Ну, что скажете? — Я поторопил Дамблдора, который усердно теребил бороду, уйдя в себя.

— Подлинные. Представить себе страшно... Семь частей. Семь раз расколоть душу...

— Это вообще реально? То есть, Реддл действительно мог создать себе семь крестражей?

— Я не знаю, Гарри. Мог ли он, создал ли? А если нет, то сколько частей он уже успел создать? Не создает ли прямо сейчас новые?

— Вы забыли задаться главным вопросом. Где Волан-де-Морт их прячет? Даже если мы будем знать точную цифру, по прежнему останется открытым вопрос об их местоположении.

— Верно. Но любая магия оставляет следы, в особенности тёмная.

— Вы напали на след?

— Да, Гарри, — удивил меня Дамблдор. Я с трудом удержал лицо, а в голове пронеслась тысяча мыслей, от предательства Волан-де-Морта и скинутом поводке контроля, до того, что Дамблдор раскусил мою игру. Заведя руку за спину, я приготовился сбежать. Пробыть чары директорского кабинета будет не трудно... — Но думается мне, эта задачка будет посложнее, чем уничтожение дневника Тома. Мне потребуется твоя помощь, раз уж ты преуспел в этом деле.

— Я готов, сэр.

— Не сегодня. — Дамблдор поднял руку, осаждая ретивого юнца. — Сначала нужно подготовится, набрать необходимых зелий. Выступим на рассвете, в уик-энд.

Когда я выходил из кабинета директора, я всё ещё был настороже. Думал, что в мою спину полетят обездвизивающие заклятия, или обезглавливающие, но нет... Однако я не расслаблялся. Спустившись по витой лестнице, я ожидал увидеть отряд авроров, и опять удивился, не обнаружив никого.

Путь до спальни я буквально пролетел и, запершись внутри, я стал думать...

<http://tl.rulate.ru/book/47633/1418925>